

Библер и «нулевое время»

С.С. Неретина

Анализ ключевых понятий философии диалога культур Библера подводит к признанию значимости, для понимания этой философии, выдвинутой Малевичем идеи о «времени=0». Доведенное до *предела* понятие обязательно проходит через эту временную точку, которую можно назвать точкой трансдукции. Именно это важное для философии Библера понятие часто считают нелогическим. Но в момент преодоления нулевого значения времени в нем нет как ничего логического, так и нелогического. Только пройдя через «время=0», понятие логически определяется в иное – и мысленное, и экзистенциальное. Именно с «нулевым временем» может быть связана и такая способность интеллекта, которую Библер называл «догадничеством», способностью идентифицировать определенные события по неким сходным признакам, осуществлять переносы смыслов. Его задача – в теоретических текстах обнаружить проявление такого логического феномена, который формирует область диалога теоретика с самим собой. Библер называл это классической диалогикой. Диалог Библера не предполагает непременно диалога с конкретным собеседником. Речь идет о внутренней и внешней самососредоточенности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В.С. Библер, культура, диалог, трансдукция, диалогика, логика, произведение, автор, «время=0».

НЕРЕТИНА Светлана Сергеевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва).

abaelardus@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22 февраля 2018 г.

Цитирование: *Неретина С.С.* Библер и «нулевое время» // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 150–160.

Этот год для нас – столетие со дня рождения философа, имя которому Владимир Соломонович Библер. Линия Библера – последняя по времени линия диалогической философии. Но он – создатель не только собственной философии, но и Школы, в которую помимо философов входили и психологи. Школа диалога культур (ШДК) имела двойное направление: прежде всего, это был семинар, который проходил во всех институтах, где работал Владимир Соломонович (а он работал в Горном институте, Институте истории естествознания и техники АН СССР, Институте всеобщей истории АН СССР в секторе методологии истории под руководством М.Я. Гефтера, Институте детской и педагогической психологии Академии педагогических наук), а главное, у него дома, и, во-вторых, это была школа-семинар для учителей, съезжавшихся со всех концов тогдашнего Союза, от Харькова до Красноярска, учителей, работавших по программе ШДК и развивавших собственные методы ведения уроков (Сергей Курганов, Анатолий Вольнец и др.). Некоторых из нас пригласили поработать в школе. Возник клич: «Профессура, в школу!» И мы пошли. Я лично преподавала в Культурологическом лицее пять лет. Владимир Соломонович работал с учителями до конца жизни. А ещё именно он составил планы работы философского факультета РГУ, где крохотный остаток этих планов сохраняется и по сей день: 1-й курс – античная философия, 2-й курс – средневековая, 3-й курс – нововременная

и т.д. (никто уже о «диалоге культур» не помнит, но последовательность курсов всё та же). В 1991 г. появилась возможность организовать независимую, не связанную ни с какими институтами группу «Архэ»; в нее, помимо самого Владимира Соломоновича, вошли философы, среди которых были А.В. Ахутин и (до 1994 г.) я, и психологи (И.Е. Берлянд, Р.Р. Кондратов и др.). Позднее ее взяли на баланс РГГУ: одних сотрудников в Институт высших гуманитарных исследований, других на философский факультет.

ШДК — это одна из последних школ с признанным лидером, к которому ученики и коллеги (а на его семинары ходили и на них выступали самые разные люди, в том числе те, кому библеровская идея диалога была чужда) относились не просто почтительно, но с восхищением. Вадим Рабинович, один из самых ревностных почитателей Библера, посвятив ему на 80-летие октаву, где были такие строки: «Но есть, но был, но будет Соломоныч, // Как 19 октября, // Июль четвертый дружбе нашей в помощь — // До без числа и — аж до мартабря!»

Через два года после смерти Владимира Соломоновича стараниями И.Л. Берлянд и А.В. Ахутина был издан двухтомник «Замыслов» (2002). До этого появились: «О системе категорий диалектической логики» (Сталинабад, 1958), «Проблемы развивающегося понятия» (в соавторстве с А.С. Арсеньевым и Б.М. Кедровым, М., 1967), «Мышление как творчество» (М., 1975). Были маленькие брошюры «Нравственность. Культура. Современность» (М., 1988), изданный в Институте философии «XVII век, или Спор логических начал» — воображаемая переписка, как обозначил Библер, основных героев Республики ученых, затем три книги в один, 1991-й, год: «Кант — Галилей — Кант», «Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры» и «От наукоучения к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век», а позже «Цивилизация и культура» (М., 1993), «Самостояние человека. Предметная деятельность в концепции Маркса и самодетерминация индивида» (Кемерово, 1993), «На гранях логики культуры. Книга избранных очерков» (М., 1997). Я помню обсуждение вышедших в 1991 г. книг: оно проходило в основном среди участников нашего семинара и близкого окружения, и его почти не было за пределами этого сообщества. Появилось несколько рецензий, мое интервью с Владимиром Соломоновичем, опубликованное в «Дружбе народов» стараниями Юрия Семеновича Герша (который знал и Библера, и М.Я. Гефтера еще по историческому факультету МГУ), какой-то диалог в «Комсомольской правде», где из всего сказанного Библером сохранилась одна реплика: «Нет!»

Но еще до этого были лекции в больших аудиториях, на которые мы ходили гурьбой, — они пришлось на то же время, когда блистали М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий, М.К. Петров — и попытки споров с Марком Борисовичем Туровским, и участие в «Московской трибуне» — форуме интеллигенции времен Перестройки — и демонстрациях. Нет, он не упускал ничего из того, что подбрасывала жизнь в последние два десятилетия XX в. Даже за границей побывал с докладами.

В конце тягостного июньского дня 2000 г. мне, к тому времени ушедшей из группы, позвонила Ира Берлянд и сказала: «Мы осиротели». Мы действительно осиротели — его ученики, друзья и коллеги. После его смерти вышла книга-сборник «Владимир Соломонович Библер» в серии «Философия России второй половины XX в.», появилось несколько статей о нем. И всё же... С его именем не связана та громкая известность, которая досталась Мамардашвили или Щедровицкому. Хочется сказать, он жил по максимуму «Философ, живи незаметно» — как-то прочно ушел вглубь себя. Создатели нынешних многочисленных «диалогов культур» даже и не знают авторства этого словосочетания.

Термин «диалогика» прочно вошел в философский словарь в связи с именем Библера, хотя, если не ошибаюсь, его еще в 1970 г. употребил З.Н. Микеладзе, говоря о «Топике» Аристотеля — идея столкновения двух логических начал была «на кончике языка». Микеладзе писал, что Аристотеля занимает сам метод диалогических обсуждений, причем искусство ставить вопросы и давать ответы предложил назвать методологией диалогии, оговорив, что такое словоупотребление он рискнул ввести, дабы отличить метод от «диалектики» «по вполне понятным соображениям»¹. Но закрепить этот термин должен (по крайней мере, *должен был* закрепиться) за Библером, который понимал под ним «многместное множество», «...контрапункт самостоя-

тельных Разумов, различных ответов на вопрос “что значит понимать?”», «полифонию всеобщих форм мышления». И связано его появление с анализом «логически идеализованного текста» [Библер 1991, 4, 117]. Для Библера диалог был логической формой мысли. Он постоянно подчеркивал различие между диалогом и диалектикой, считая, что последняя — плод диалога (в этом он был солидарен с М.М. Бахтиным, который называл ее «абстрактным продуктом диалога» [Бахтин 1969, 318]). Диалог для него фокусировался в логике, в том ее средоточии, где происходило взаимопроникновение двух, по крайней мере, разветвляющихся путей понимания и формировалось новое понятие вещи.

Вопрос: почему же так случилось, что философия Библера, яркая, ярчайшая, не была по-настоящему принята и впитана философским сознанием ни (и прежде всего) во время Перестройки, когда стали активно исследовать и транслировать идеи М.К. Мамардашвили, М.К. Петрова, Г.П. Щедровицкого, ни потом, когда её и вовсе перестали воспринимать как новую, невиданную, уникальную философию? Это удивительно, если учесть, как глубоко она вошла в мышление и его учеников, и тех, кто испытал его влияние. Все мы по-прежнему работаем с его идеями, потому что забыть сказанное им невозможно, невозможно забыть саму интонацию. Как невозможно забыть и его запрокинутую голову (у него, как у Мандельштама, был хохолок, и он голову, когда говорил, откидывал назад).

Библер знал цель, и он сразу заявил о ней в книге «От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век». Его *логика*, я это хочу подчеркнуть, — это философская логика *культуры*, под которой понимается не археология, не содержание прошлых эпох или даже нашей эпохи, а *граница логики*, ибо культура — это Библер говорил вслед за Бахтиным — *собственной территории не имеет*. Если эту *пограничность*, это предельное напряжение мысли не понять, говорить о диалоге как споре логик бессмысленно. Термин «культура» у Библера дву-осмыслен: культура понимается и через сопряженность характеристик каждой эпохи, ее внутреннее средоточие в определенной рефлексии, очерчивающей ее границы, и, главное, через диалог разных культур, выраженных в произведениях. Она существует в напряжении смыслов произведения: произведения, воплощенного в личности, в «собственном бытии человека», и произведения, воплощенного в полотне, красках, звуках. Она существует меж двух границ: между границами культурных областей и между границами культуры и некультуры, когда индивид, исчерпавший все известные ему познавательные-объяснительные возможности, оказывается перед необходимостью самому заново определять себя. Собственно, только в этот момент и осуществляется культурно-логическая предопределенность, становится видим тот горизонт, на который ориентируется индивид. Но именно о такой культуре наш разговор. Если мы сейчас, разговаривая друг с другом, не понимая, но пытаюсь понять друг друга, стремимся нащупать «перекрестье взаимности», которое позволит изменить само наше мышление (не мышление *о* чём-то, а *само* мышление, мышление «чем-то»), мы обнаруживаем себя на границе логики культуры.

Привычка мыслить в ситуации одностороннего понимания делает трудным восприятие такой взаимности, тем более что поднимаются вопросы о том, что это за точка — пересечение логик? Где происходит логика перехода? Над этим работали два крупнейших философа российского XX века — М.М. Бахтин и В.С. Библер. Один занимался *жизнью сознания*, другой — *логикой мышления*. Можно сказать: Библер сузил идею диалога до логики. Поэтому речь у него идет о культуре именно как о границе логик, а не о границе сознаний. Если мы на эту — логическую — границу не попадаем, мы не в фокусе философии Библера. Цельность и всеобщность философской логики культуры, которая не сводима «к познающему пафосу мышления» [Библер 1991, 3], к гносеологии, именно в том, что это «*логика начала логики*» [Там же, 4], которая актуализируется как диалогика, как логика парадокса, как начало многих логик, обеспечивающих не столько понимание мира как предмета познания, сколько взаимопонимание, которое может осуществиться лишь при тотальном изменении всего индивидуального бытия, логического и этического.

С Библером — с его вопросом о началах логики и вообще о начале философии — ты никогда не знал, где окажешься, или — точнее — знал, что окажешься в «нуле форм», как говорил К.С. Малевич. Ноль — полное очищение от всех и всяческих форм, да и содержания. Здесь субъект познания выходит за собственные пределы во внелогическое. И в этом «ничтожном» состоянии обнаруживаются новые возможности бытия, заново открывается мир. В этой одной-единственной точке (или, как говорил Библер, почке) нового начала и возникают возможности появления различных логик, их взаимообоснование, или трансдукция.

Что же это за точка? Мне, например, недостаточно, что это точка, в которой, как иногда говорится, одна логика (логика одной культуры²), доведенная до предельных оснований, т.е. всматривающаяся умом (умо-зрением) в свое начало, тут же истолковывает себя. То, что она может переходить во что-то, на мой взгляд, не тождественно логичности перехода, хотя термин «трансдукция» действительно предполагает не преобразование, или, как пишет Библер, взаимопревращение, а именно *переход*. Ясно, что на переходе она (логика) помещает себя вне того, с чего началось ее движение, и должна заново определять себя. Ясно, почему она расходится со своим ходом мысли — у нее нет больше ресурсов, коль скоро она довела некое понятие до предела. Но неясно, почему это *иная* логика, логика иной культуры, а не та же, но с новыми определениями. В точке перехода она действительно *расходится* с самой собой, но почему расходится с допущением предположений о себе, почему не допускает своего *снятия*, если нашла иное³?

В предположенности иной логики действует какая-то невероятная интуиция, а не, как может показаться, собственно логика, в чем Библиера и упрекали — В.А. Смирнов называл даже мистиком. Библер вряд ли знал это высказывание Смирнова, но точно возражал против подобных определений. Именно им написаны такие слова: «Несмотря ни на что — высший рационализм» [Библер 1997, 417]. Смысл Высокого Рационализма он полагал в том, «...что разум насыщен в сфере всеобщего и изначального, в той сфере, где заканчивается работа в границах конечности и наличного опыта (соразмерного малой человеческой жизни). Это — интеллект, продолжающий (начинающий?) работать в экстремальных ситуациях *смысла бытия*: бытия всеобщего и бытия личного... Это — «мистицизм», преодолеваемый на его собственной почве: там, где “рассчитать” уже невозможно, но *разуметь* по-прежнему (больше, чем всегда) необходимо. Такой Высший Рационализм — *всегда*, на всем протяжении философской мысли — основа философской логики, логики предположения возможностей всеобщего бытия и возможностей всеобщего мышления, — из “места”, где их еще нет, “как если бы их не было”. Это риск *разумного начинания мысли и бытия*» [Там же, 418].

Таким образом, Библер предварил возможный упрек в мистицизме — заранее ответил всем считающим его «мистиком»: разум способен выйти «за границы конечности и наличного опыта»: в нулевой точке *начала* перестать быть и — по свойству разума — возродиться разумом же.

Библер не раз повторял, что философская логика культуры одна: это *логика начала* логики в ее тройственном определении: диалогической, трансдуктивной и парадоксологической. «Итак, философская логика конца XX века *онто-логически* может быть определена как “логика культуры”, а собственно *логически* — как “логика начала логики”» [Там же, 435]. Когда философская логика доводит логическое до предела, остается одна-единственная логика. Даже еще острее. «Этой логики *нет* в канун произведения, *нет* в самом произведении... ее *нет* в обычном наличном формализме мышления. Ее не существует вообще. Она *есть* только в свободном предположении *современного* философа... эта логика может (и должна) быть развернута-сконструирована-изобретена, — понята... только в философском произведении XX века. Она всеобща и — одноразова» [Там же, 436].

Если можно перейти в иную логику иной культуры, нельзя ли допустить, что эти логики, одновременные в мысли, одновременны и в бытии, чтобы не «предоставлять свободный простор произволу мышления», по словам Гегеля (столь любимого Владимиром Соломоновичем)? Используя выражение Библиера «те же и Софья» и аргу-

мент Ансельма Кентерберийского, можно сказать: «те же и Софья» больше просто «тех же», больше «Софьи» и больше их суммы.

Интуиция Библера, конечно, грандиозна. Он, как Жанна д'Арк, слышал голоса настоящих и будущих философов, известных и неизвестных. А еще он стремился разглядеть неведомое в давно знакомом — своего рода вывороченное наизнанку средневековое «желание мыслить неизвестное», имевшее в виду Бога. А это самое трудное: увидеть новое, незнакомое в известном. Но уж если сумеешь, то, поначалу вольно расположившись в известном, вскоре заметишь, в каком сумрачном лесу оказался. Аристотель задохнулся от двух разных вопросов с одинаковыми ответами (что это? — стол, как это называется? — стол) и наметил в «Категориях» две стратегии исследования: указующий жест и название.

Повторюсь: начиная вместе с Библером, мы (я) никогда не знали, в каких дебрях окажемся, ибо всё переворачивалось, а иногда и вздымалось. На философское дело *начинания* надо отваживаться. Кант говорил: *sapere aude*, осмелесь, отважься думать, даже — мудрствовать (*sapere* — думать философски). Единственное, что заставляло отважиться нас, это стремление к знанию «начала» — нам оно казалось страшным и заведомо великим. А Библер, говоря о начале, знал.

Что, например, значит слово «меняя» (или «из-меняя»)? «Он изменил эту строчку», т.е. сделал нечто сосредоточеннее, осмысленнее; или же просто поменял — совершил обмен одной строки на другую. Но и «он изменил» в смысле предал. Логика осуществляет этот учет — что ты уже не один, что есть *оглядка*, а это всегда уже и опора, и твердый расчет. Мы опираемся на логику, но эта логика тут же тебе подсовывает нечто иное. Ты только четко знаешь, что логика, уже переставшая — после таких замещений — быть чисто формальной, *есть*, и именно она тебя ведет, и поскольку ты на это отвечаешь, она с тобой говорит. А раз она с тобой говорит, не все потеряно, иначе и говорить бы не стала, т.е. не была бы опорой твоей мысли.

Если вернуться к «изменению-мене», то можно сказать так: мысль, если она востребована обсуждением, может стать и другой. Я не подсматриваю, не списываю, я *присматриваюсь* к сказанному и делаемому, находясь и под их присмотром (это заставляет быть строгой) в постоянном ожидании ответа. Но «меняется их [мыслей] масса, скорость и направление движения». Эти слова Малевича, на мой взгляд, определили *философское движение* XX в. Речь именно о постоянной смене! Я думаю, это главное, остальное может и объективироваться, и исчезать, в том числе и мысли, раз они тоже все время меняются. И иногда меняются кардинально — до противоположности, не успев долететь до полной схваченности-высказанности, пользуясь одним и тем же изначальным звуком и обладая способностью повернуть его в нужную сторону. Можно сказать: «Этот текст нужно вычитать», а можно: «Не вычитать же из вашей зарплаты!» У Давида Самойлова: «Хочется пе... — то ли “песен”, а то ли “печенья”». Это свидетельство того, что звук голоса, речи, интонации оказывает магическое действие.

Звук голоса, «впечатанный» в текст Библера, слышен, если тыходишь и радостно вчитываешься. Но можно и не внять ему. «Наш голос почти не слышен», — сетовал он. И попытался понять тому причину. Обладая строгостью, даже жесткостью мысли, он иронически приглядывался ко многим нынешним теориям. «Человеческий ум виртуозен. Существует один модный сейчас на Руси метод избавления от изначальности мысли (и — бытия) философских систем. Бесчисленные формы *редукционизма*. Мысль обособывается не по схеме “*causa sui*”, но виртуозным “объяснением” — “из другого...” — более ясного, понятного и подручного: из онтологии тела, из праязыковых архетипов, из фразеологизмов обыденного языка. Несколько умелых фокусов, и... *произведение* разомкнуто, сведено к *тексту*, а дальше — цепочкой знаков, значений и символов достигается вожденное: отказ от неповторимого единственного с м ы с л а . Вот и возможен вздох облегчения, — преодолены (!?) трудности философского бытия — свобода воли и ответственность за н а ч а л о вещей. Как хорошо! Как легко!» [Там же, 79].

Но не предположены, скажем, такие варианты: *повтор* как неспешное, чуткое, контролирующее выявление скрытых смысловых обертонов, утаенных мотивов, или *исключение автора* как ключевой фигуры произведения — работая в русле произведе-

ния, Библер не мог допустить, чтобы автор рассматривался как тот, кто осуществляет тотальный контроль над творящимся миром. Всё это как раз и обнаруживает значимость для философии Библера идеи трансдукции, о которой иногда говорят, что она не имеет логического обоснования. Вовсе нет — эта идея чрезвычайно логична, если предположить действие «времени=0», о котором писал Малевич. Доведенное до *предела* понятие проходит через эту точку «ничто», *преодолеваем* ее, лишаясь при этом всего. В этот момент, в нуле, нет как ничего логического, так и нелогического. Как говорил Библер, «...логика — вне текста — не может быть предметом логического исследования, она, скажем определеннее, вообще не может быть предметом» [Библер 1991, 95]. Только пройдя через ноль, через «время=0», понятие логически определяется в иное — и мысленное, и экзистенциальное. Именно с нулевым временем связана и такая способность интеллекта, которую он называл «догадчивостью»: способность идентифицировать определенные события по неким сходным или «намекающим» признакам и осуществлять переносы смысла. Внешне это могло проявляться в дорисовке неизвестного до известного (например, в дописывании проведенных, но не законченных уроков ШДК) и представлении его в законченном произведении.

***

Предреченный Библером в «Двух философских введениях в двадцать первый век» «диалог культур» вдруг, в начале этого самого XXI века, перестал быть «диалогом», а «культура» уступила место «традиции», причем в худшем ее варианте: традиция как опора на *нужную* государству историю, как скрепы, патриотизм в глянцевого обёртке... Но диалогика (пусть мы сейчас оставляем на будущее саму идею диалога культуры) проявляет себя и без упоминания этой идеи, ибо работает внутренняя логика культуры. Многие тексты Библера строятся как диалог с самим собой: в работу, например, 1970-х гг. он включает параграфы, хронологически относящиеся к 1990-му [Библер 1991, 120]. Его задача — в теоретических текстах обнаружить свечение «...нового логического феномена, одновременно тождественного и нетождественного теоретической структуре: “микросоциум” внутреннего диалога теоретика с самим собой» [Там же, 119]. Он называет это *классической диалогикой*. Вряд ли стоит представлять диалог, о котором писал Библер, непременно диалогом с конкретным собеседником (такой, кстати, часто не получался). Как он писал в статье «О логической ответственности за понятие “Диалог культур”», идею диалога нельзя включить «в какую-то академическую линию» [Библер 1997, 207]. Ибо речь идет и об особом понимании культуры, раскрываемой как одновременность разновременно существовавших культур, и о произведении как диалоге автора и читателя (слушателя), о раскрытии вопрос-ответ-вопросных смыслов. В этих вопрос-ответных исканиях участников диалога выявляется парадоксальная логика самого диалога, осуществляющая выход за грань культуры, в то «место», где она сама стоит под вопросом, т.е. мыслит собственное начало. В пределе такой диалог совершается прежде всего в философствовании конкретного философа. «Страшно трудно... чтобы читатель осознал в *этом философе* — э т о г о индивида, в его случайной, мгновенной, сиюминутной жизни, да еще в тот момент, когда этот индивид особенно остро и уникально осознает впервые-бытие мира; своего Я; насущного Ты...» [Рабинович 2010, 696]. Это и есть контрапункт самостоятельных Разумов единенного (несмотря на любимую Школу) философа, Владимира Соломоновича Библера.

И прав Вадим Рабинович: «Библер только начинается».

Примечания

¹ Помнится, эту статью — «Что такое “Топика” Аристотеля» — мы из «Вопросов философии» перепечатали в № 2 только что организованного нами с А.П. Огурцовым философского журнала *Воп.*

² При этом я не хочу сейчас говорить, как о-значивается эта культура — ее хронология, определение.

³ Так делали схоласты: с одной стороны, говорили они, *это*, а с другой стороны, *то*.

Источники и переводы – Primary Sources in Russian and Russian Translations

Бахтин 1969 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1969 [Bakhtin, Mikhail M., *Aesthetics of verbal creativity* (in Russian)].

Библер 1991 – *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991 [Bibler, Vladimir S., *From the science of science to the logic of culture. Two philosophical introductions in the twenty-first century* (in Russian)].

Библер 1997 – *Библер В.С.* На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М.: Русское феноменологическое общество, 1997 [Bibler, Vladimir S., *On the fringes of the logic of culture. The book of selected essays* (in Russian)].

Ссылки – References in Russian

Рабинович 2010 – *Рабинович В.Л.* Имитаторы Рабиновича, или Небесный закройщик. М.: Захаров, 2010.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 9. P. 154–160

Bibler and “Zero Time”

Svetlana S. Neretina

An analysis of the key concepts of Bibler's philosophy of the dialogue of cultures leads to the recognition of the significance for understanding of this philosophy “time = 0” by Malevich. The concept reached to the limit necessarily passes through this time point, which can be called a point of transduction. It is this very important concept for Bibler's philosophy that is often considered illogical. But at the moment of overcoming “Zero time” there is nothing logical or non-logical in it. Only after passing through “Zero time”, the concept is logically determined in another-both mental and existential. It is with “Zero time” that this ability of the intellect, which Bibler called “guessing”, the ability to identify certain events by some similar signs, carry over the transference of sense, can also be connected. Outwardly this could be manifested in the painting of the unknown to the well-known, for example, in the completion of unfinished, but conducted lessons for the School “Dialogue of Cultures” and their presentation in the finished work.

KEY WORDS: V.S. Bibler, culture, dialogue, transduction, dialogics, logics, work, author, “Zero time”.

NERETINA Svetlana S. – Dsc in Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

abaelardus@mail.ru

Received at February 22, 2018.

Citation: Neretina, Svetlana S. (2018) ‘Bibler and “Zero Time”’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2018), pp. 154–160.

DOI: 10.31857/S004287440001361-2

References

Rabinovich, Vadim L. (2010) *Rabinovich Imitaphors, or Heavenly Cutter*, Zakharov, Moscow (in Russian).